

ИЗВѢСТИЯ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Г. II.

ОКТЯБРЬ 1898 г.

№ 1

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.— КЪ СЕМИДЕСЯТИЛЪТНЕЙ ГОДОВЩИНЪ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКАГО ПИСАТЕЛЯ.— ОЧЕРКЪ. П. П. РОЩИНА.

Если-бы явленія искусства и литературного творчества волновали современное общество въ такой же мѣрѣ, какъ вопросы экономические и политические, то, нѣтъ сомнѣнія, наши взоры ежедневно устремлялись бы къ Ясной Полянѣ, гдѣ живетъ великий писатель земли русской, достигшій уже патріаршаго возраста. Можемъ смѣло утверждать, что литература о Толстомъ у насъ и за-границей растетъ не по днямъ, а по часамъ, и за одинъ только послѣдній мѣсяцъ можно насчитать десятки книгъ, посвященныхъ ему выдающимися критиками въ западной Европѣ. Какъ ни велика, однако, литература о Толстомъ, дѣятельность великаго писателя все еще ждетъ себѣ должной оцѣнки. Объясняется это явленіе, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, тѣмъ, что каждый изъ критиковъ Толстого хотѣлъ видѣть въ его дѣятельности прежде всего торжество своей собственной теоріи литературного творчества, оправданіе своихъ личныхъ взглядовъ и тенденцій. Въ резулѣтатѣ получилась огромная масса статей и монографій, которыя больше интересны для характеристики ихъ авторовъ, нежели важны и полезны для уясненія писательской личности самого Толстого.

Читателя, который желалъ бы вкратцѣ

ознакомиться съ работами русскихъ и иностранныхъ критиковъ о Толстомъ, мы можемъ отослать къ превосходной книгѣ Ф. И. Булгакова *). Здѣсь мы позволимъ себѣ сказать лишь нѣсколько словъ объ общественномъ смыслѣ художественной дѣятельности творца «Войны и мира» и «Анны Карениной». Намъ кажется, что ближе другихъ къ истинѣ въ этомъ отношеніи подошелъ Громука, сопоставивъ все, что высказано въ «Исповѣди» съ мнѣніями Константина Левина. Въ этой центральной фигурѣ «Анны Карениной» воплощена исторія духовнаго освобожденія мыслящаго русскаго человѣка XIX вѣка, который, послѣ долгихъ сомнѣній и мучительныхъ поисковъ сердца, убѣдился въ ограниченности разума и неспособности его проникнуть въ глубины жизненной тайны. Долго Толстой умомъ говорилъ въ одинъ тонъ съ XIX вѣкомъ—вѣкомъ разсудочности и индивидуализма, сердцемъ же своимъ онъ жилъ всегда въ природѣ и съ природой. Всю жизнь прислушиваясь къ ея голосу, онъ учился понимать вѣчную душу человѣка, ея благо, ея счастье, ея Бога. Произведенія его—рядъ фарсовъ души ихъ автора. Въ нихъ сказалось невольное и еще затаенное недовольство нашей эпохи ея разсудочнымъ міросозерцаніемъ.

*) Графъ Л. Н. Толстой и критика его произведений русская и иностранная. Съ 8 портретами, исполненными въ фотожемографическомъ заведеніи Товарищества М. О. Вольфъ. Второе изданіе. Спб., 1899. Ц. 1 р. 25 к.

емъ и начинающійся поворотъ отъ невѣрія, отчаянія и убийства къ вѣрѣ, надеждѣ, къ прощенію, къ любви. По чрезвычайно мѣткому опредѣленію Громеки, Левъ Толстой— «человѣкъ въ такихъ предѣлахъ, что немногіе могли и могутъ съ нимъ сравниваться»; художникъ и мыслитель совершенно исчезаютъ въ его «человѣкѣ», который такъ необыкновенно далекъ отъ всѣхъ профессиональныхъ названий».

Изучить творенія Толстого съ точки зрѣнія его идей и мнѣній—такова задача, которую ставили себѣ лучшіе критики автора «Исповѣди» у настѣ и за границей. «Толстой,— восклицаетъ французскій критикъ Мельхиоръ Вогюэ,—это новая Россія, Россія, бросившаяся на поиски себѣ путей, не желающая ничего знать о нашихъ вкусахъ и зачастую намъ непонятная. Не требуйте отъ нея ограниченій, къ которымъ она наименѣе способна, не требуйте сосредоточенія на одномъ какомъ-нибудь пункѣ, не требуйте, чтобы она подчинила свое пониманіе жизни какой-нибудь доктринѣ». Мѣрку, которую можно было бы прикинуть къ творчеству Льва Толстого, французскій критикъ рѣшительно не находитъ. «Съ нашей привычкой къ симметріи,— говоритъ онъ,—мы измышляемъ классификаціи, чтобы оріентироваться въ свободѣ человѣческаго духа. Но какъ-только личность выходитъ изъ рядовъ посредственности, она пренебрегаетъ нашими аршинами и нашими циркулярами: она комбинируетъ въ новыхъ пропорціяхъ разныя рецепты, какіе мы ей предлагаемъ для собственной потѣхи. Всеенная съ ея человѣчествомъ, океанами, небесами, является предъ нею словно арфа съ тысячию струнъ, которая, казалось, всѣ уже испробованы. Но вотъ прохожій извлекаетъ аккордъ изъ старого инструмента, по своему истолковывая эту вселенную. По его капризу, эти потертыя струны комбинируются на новый манеръ, и изъ этого каприза рождается мелодія неслыханная, которая сразу удивляетъ настѣ, которая дѣлаетъ яснѣе смутный лепетъ человѣческой мысли, расширяетъ сокровищницу идей, служащихъ основаніемъ нашей жизни».

Вѣстѣ съ Вогюэ и другіе французскіе критики признаютъ, что творенія Толстого— ключъ къ пониманію русскаго характера, русскаго темперамента. Флоберъ, по его собственному признанію, «вскрикивавшій отъ удивленія при чтеніи «Войны и мира», замѣчаетъ еще слѣдующее: «Наконецъ-то ви-

дишъ живого человѣка, автора и русскаго, тогда какъ до сихъ поръ въ литературѣ видѣли только «природу» и «человѣчество». Другой французскій критикъ, самъ тоже романістъ, Дельпи, прочитавъ «Войну и миръ», эту «одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпопеи въ XIX вѣкѣ», даетъ просторъ своимъ впечатлѣніямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Поэтъ, историкъ, философъ не перестанутъ читать и перечитывать эту книгу. Душа патріота вскрывается въ ней. И удивительная вещь! никогда еще книга, написанная съ патріотическимъ чувствомъ, не внушала болѣе глубокаго ужаса къ войнѣ. Эта книга показываетъ, какая разница между человѣкомъ, спокойно смотрящимъ на события, и фанфарономъ, вызывающимъ всѣхъ на драку. Умѣть хорошо защищать — вотъ настоящій патріотизмъ, нападать на другихъ — вотъ противоположность патріотизма. Прочтите романъ Толстого всѣ вы, легко мысленно разглагольствующіе о войнѣ и сраженіяхъ! Прочтите эту книгу, гдѣ ужасы нападенія хладнокровно выставлены на показъ философомъ, который разсказываетъ о нихъ, какъ хирургъ, описывающій болѣзнь по вскрытымъ внутренностямъ. Отъ такихъ книгъ приливается кровь къ головѣ».

Интересно сопоставить эти сужденія французскихъ писателей съ оцѣнкой писательской личности Толстого, принадлежащей перу одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ критиковъ. «Все, что написано Толстымъ,— говоритъ авторъ книги «Literarische Streifzuge durch Russland», г. Цабель,— есть необходимое выраженіе богато одаренной натуры и внутренняго мѣра художника, который не довольствуется внѣшимъ виртуозничествомъ живописца, но имѣетъ въ виду высшія нравственные и духовные цѣли. У него свой особенный стиль, своеобразная фантазія, своя особенная религія... Во всѣхъ его книгахъ проглядываетъ субъективность, безъ устали работающая надъ собою, чтобы уяснить себѣ вопросы нравственные и религіозные и найти миръ душѣ своей... Элементы, изъ которыхъ сложилась личность писателя, представляютъ весьма замѣчательную смѣсь, тѣмъ болѣе, что Толстой—русскій до мозга костей, никогда не отчуждался отъ сердца своей родины, и тонкаго различія национальныхъ культуръ, какъ выработалось оно въ западныхъ странахъ, либо не признаетъ вовсе, либо не соплюдяется ни въ чемъ».

Толстого часто наша иностранная кри-

тика сопоставляла съ великими писателями другихъ странъ и другихъ эпохъ. Одною изъ наиболѣе удачныхъ такихъ попытокъ представляется намъ сопоставленіе автора «Войны и мира» со Стендалемъ. Подобно Стендалю, Толстой началъ военной профессіей и узналъ всѣ тягости военной жизни. Подобно Стендалю, Толстой сочеталъ въ себѣ впечатлительность съ ясновидѣніемъ. Оба съ самаго ранняго дѣтства привыкли мысленно смотрѣть внутрь себя, что позволило имъ читать съ совершенной прозорливостью въ сердцѣ другого. Отсюда же и психологическая жизнь столь интенсивная, иногда даже столь ужасающая, жизнь, какою они могли надѣлить существа, созданныя ихъ воображеніемъ. Наконецъ, какъ у Стендalia, и у Толстого стиль размѣренный, сухой, математической, лишенный всякой литературной претензіи. Видно, что каждое слово было поставлено, по размышлѣнію, тамъ, гдѣ оно находится, и что невозможно замѣнить его другимъ, не измѣняя безусловной точности мысли.

По книгѣ г. Булгакова, о которой мы упомянули выше, читатель ознакомится съ мнѣніями наиболѣе выдающихся критиковъ Толстого. Собранный въ ней богатый материалъ приведетъ читателя къ убѣждѣнію, что Толстой—гордость не только русской литературы, но и вообще литературы XIX вѣка. Въ немъ оригинальное творчество сочеталось съ замѣчательною личностью писателя-художника, который на вопросы, его занимающіе, находить отвѣты въ признаніи высокихъ нравственныхъ идеаловъ.

